

**Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности**

Distr.: General
2 April 2001
Russian
Original: English

Генеральная Ассамблея
Пятьдесят пятая сессия
Пункт 64 повестки дня
Кипрский вопрос

Совет Безопасности
Пятьдесят шестой год

**Письмо Постоянного представителя Турции при
Организации Объединенных Наций от 29 марта
2001 года на имя Генерального секретаря**

Имею честь настоящим препроводить письмо представителя Турецкой республики Северного Кира Его Превосходительства г-на Айтуга Плюмера от 29 марта 2001 года на Ваше имя (см. приложение).

Буду признателен за распространение текста настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 64 повестки дня и документа Совета Безопасности.

(Подпись) Юмит Памир
Посол
Постоянный представитель

**Приложение к письму Постоянного представителя Турции
при Организации Объединенных Наций от 29 марта
2001 года на имя Генерального секретаря**

Обращаюсь к Вам по поводу вопросов, поднятых в письме представителя киприотов-греков в Организации Объединенных Наций от 14 февраля 2001 года на Ваше имя (A/55/784-S/2001/136).

Хотя необходимость получения согласия обеих сторон в отношении Вооруженных сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК) подробно рассматривается в другом письме, направленном мною Вам, я хотел бы прежде всего коснуться именно этого вопроса, с тем чтобы официально изложить позицию моего правительства.

Я хочу напомнить, что до июня 2000 года согласие обеих сторон в той или иной форме запрашивалось и учитывалось Советом Безопасности. Это соответствовало принципу Организации Объединенных Наций, согласно которому миротворческая деятельность в любом районе мира осуществляется с согласия соответствующих сторон. Этот принцип Организации Объединенных Наций недавно подтвердила бывшая глава Миссии ВСООНК дейм Анн Херкус в ходе ее пресс-конференции, состоявшейся 14 апреля 1999 года в гостинице «Ледра пэлис» в пределах контролируемой Организацией Объединенных Наций буферной зоны на Кипре:

«Мы находимся здесь на основе согласия. День, когда такое согласие будет аннулировано или когда оно утратит силу, станет днем, когда миротворцы Организации Объединенных Наций соберут свои вещи и отправятся домой. Согласие и сотрудничество сторон в конфликте существенно важны для того, чтобы миротворцы могли играть свою роль. Они могут оказывать помощь противостоящим сторонам в осуществлении прекращения огня или в последующем урегулировании. Однако никакая операция по поддержанию мира не может делать этого без того общего согласия, которое является основой для ее пребывания здесь».

Кроме того, Группа высокого уровня по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира, которая была создана в марте 2000 года под Вашей эгидой для проведения тщательного обзора деятельности Организации Объединенных Наций в области мира и безопасности, пришла к следующему выводу в качестве одного из руководящих принципов миротворческих операций Организации Объединенных Наций:

«Группа признает, что согласие местных сторон, беспристрастность и использование силы только в порядке самообороны должны оставаться фундаментальными принципами миротворчества».

(Выводы доклада Брахими, прилагаемого к Вашему письму от 21 августа 2000 года, A/55/305-S/2000/809.)

Что касается утверждений киприотов-греков относительно Договора о гарантиях и Договора о союзе 1960 года, то я хотел бы напомнить, что не впервые администрация киприотов-греков, которая с декабря 1963 года узурпировала все полномочия и функции двунационального правительства Турции, ставит под сомнение действенность этих договоров, результатом

которых является и которыми гарантируется нынешнее положение дел на острове, а именно партнерство двух в политическом отношении равных сторон, отсутствие господства одной стороны над другой, эффективное участие в правительстве и полная автономия в общинных делах, одновременно с ограничением независимости острова, с тем чтобы сохранить партнерскую структуру этой системы.

Нынешняя администрация киприотов-греков не является двунациональной республикой, предусмотренной в договорах, и она не руководствуется основными статьями Конституции 1960 года. Эти основные статьи, которые были взяты из Цюрихского соглашения, не могли, в силу статьи 182 Конституции, никоим образом быть изменены, будь то путем внесения модификаций, дополнений или путем отмены. Речь шла не просто о внутреннем конституционном праве, поскольку сами договоры подняли этот вопрос до уровня международного права. Здесь, пожалуй, достаточно сослаться на доклад 1987 года Специального комитета британской Палаты общин, в котором говорится:

«Хотя правительство киприотов-греков утверждало и утверждает, что оно лишь пыталось задействовать Конституцию 1960 года, измененную в той степени, в какой это диктовалось потребностями ситуации, это утверждение игнорирует тот факт, что как до, так и после событий, происшедших в декабре 1963 года, правительство архиепископа Макариоса продолжало выступать в поддержку «энозиса» и активно добивалось внесения поправок в Конституцию и в соответствующие договоры, с тем чтобы облегчить достижение этой конечной цели. Например, в феврале 1964 года архиепископ Макариос заявил: «Соглашения аннулированы и похоронены».

Начиная с декабря 1963 года кипрско-греческие боевики и полиция под командованием министра внутренних дел начали изгонять киприотов-турок из их домов и с занимаемых ими должностей, поскольку архиепископ Макариос объявил, что он более не признает должность кипрско-турецкого вице-президента, и предложил киприотам-туркам права меньшинств, одновременно с этим заявив, что он представляет «правительство Кипра», в полное игнорирование Конституции, положения дел, явившегося результатом соглашений 1960 года, и самих основ самих соглашений.

Здесь можно напомнить, что Турция предприняла военную акцию на Кипре 20 июля 1974 года на основании статьи IV Договора о гарантиях. В то время созданное в результате переворота «правительство» г-на Никоса Сампсона, который пришел к власти после того, как архиепископ Макариос оказался в изгнании, было не чем иным, как марионеточным правительством, действовавшим по указке Греции и готовым покончить со всеми остаточными проявлениями независимости острова и передать его под власть Греции. Г-н Сампсон сам признавал, что он уже собирался объявить «энозис» (союз с Грецией), когда ему пришлось подать в отставку («Сайпрус мейл», 17 июля 1975 года). По сообщениям иностранной прессы, на острове во время государственного переворота находилось 20 000 греческих военнослужащих, готовых воплотить в жизнь идею союза острова с Грецией. Эти силы были переброшены на остров — сначала тайно, а потом и открыто — архиепископом

Макариосом в течение 1963 и 1964 годов в рамках подготовки к реализации в надлежащее время «энозиса».

Позиция Турции в ходе крайне важных прений в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций в период с 1964 по 1974 год состояла в том, что Договор о гарантиях сохраняет свою силу и должен соблюдаться на основании доктрины *pacata sunt servanda* и что он предоставляет державам-гарантам право предпринимать военные акции индивидуально или совместно после проведения требующихся консультаций, предусмотренных в самом Договоре. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не вынес никакого суждения в отношении позиции киприотов-греков по этому вопросу, но, сославшись в своей резолюции 353 (1974) от 20 июля 1974 года на авторитет международных соглашений, Совет усилил доводы в пользу действительности международных соглашений, в частности Договора о гарантиях.

Толкование статьи IV Договора не должно создавать никаких трудностей, если должным образом учитывать недавнюю историю Кипра и намерения сторон. Кипр получил независимость после кровопролитного конфликта, который был вызван отнюдь не борьбой за независимость. Эта борьба характеризовалась жестокими межобщинными распрями. Каждая из национальных общин имела различные устремления. Цель киприотов-греков состояла в союзе с Грецией («энозис»), который был бы равнозначен смене колониальных хозяев для киприотов-турок. Предоставление независимости в 1960 году стало результатом согласованного компромисса между соответствующими сторонами. Поэтому было необходимо предусмотреть надежные гарантии, дабы можно было сохранить устройство, установленное Цюрихско-Лондонскими соглашениями и Конституцией Кипра 1960 года, и реально запретить союз Кипра с любым другим государством. Эти основные соображения означают, что при разработке статьи IV государства-гаранты имели в виду сохранить право на использование военной силы постольку, поскольку и тогда, когда положение дел, явившееся результатом соглашений, оказывалось под внутренней или внешней угрозой. С другой стороны, поскольку общие или согласованные действия не всегда были бы возможными, каждому государству-гаранту было предоставлено право предпринимать односторонние действия.

Ясно, что до турецкого вмешательства в 1974 году были соблюдены все процедурные требования. После государственного переворота, осуществленного Сампсоном, в Лондоне 17 и 18 июля состоялись консультации между британским и турецким правительствами; министр иностранных дел и по делам Содружества Джеймс Каллагэн встретился с премьер-министром Турции Бюлентом Эджевитом и обсудил вопрос о том, какие действия следует предпринять после государственного переворота. Греческое правительство, хотя ему и было направлено приглашение, не приняло участия в этих консультациях. Министерство иностранных дел и по делам Содружества назвало эти консультации неудавшимися, но при этом было ясно, что Великобритания не хотела осуществлять совместное вмешательство с Турцией в качестве державы-гаранта, а также было ясно, что она признавала возможность военных действий со стороны Турции. Таким образом, Великобритания и Турция выполнили обязательство о проведении консультаций (1987 report of the House of Commons Select Committee on Cyprus, on p. vii, sect. 9, and p. viii, sect. 12).

В статье IV Договора о гарантиях упоминается «право принимать меры». Справедливо то, что слово «военные» не используется для определения слова «меры», и это наталкивает некоторых авторов на мысль о том, что статья IV не разрешает военные действия, а санкционирует только такие посреднические меры, как дипломатические представления и экономические контрмеры. На самом же деле, в первом пункте предусматриваются консультации «в отношении представлений или мер, необходимых для обеспечения соблюдения» нарушенных положений. Второй пункт рассматриваемой статьи, в котором идет речь о согласованных действиях или о праве любой из держав-гарантов принимать меры, является более жестким с точки зрения его формулировки, чем первый пункт. Если намерение заключалось в том, чтобы ограничить смысл слова «меры» любыми действиями, помимо военных, авторам было бы довольно легко конкретно указать на это или использовать менее весомые слова. На самом же деле, ясно, что вопрос о том, какие меры принимать, был оставлен на усмотрение всех держав-гарантов или любой из них. В ином случае второй пункт был абсолютно мертвым положением, неспособным служить той цели, ради которой он был разработан.

Не следует забывать о том, что в период с 1963 по 1974 год Турция и Великобритания неоднократно — как в ходе прений в Совете Безопасности, так и напрямую — делали представления «правительству Макариоса» с целью добиться прекращения нарушений основных статей, а также прав киприотов-турок, но безрезультатно. Греческий военный переворот стал новой и крупной военной акцией, на которую нужно было ответить эффективной контрмерой.

С учетом того, что главная задача и цель соглашения 1960 года состояла в урегулировании проблемы, чреватой потенциальной угрозой войны между Грецией и Турцией, и в недопущении господства одной общины над другой, можно сделать вывод о том, что гаранты намеревались обеспечить эффективные гарантии в случае нарушения Договора. Эффективной гарантией могло быть не что иное, как военное вмешательство, поскольку нельзя было ожидать, что союз Кипра с любым другим государством, а именно с Грецией, может быть действительно предотвращен простыми дипломатическими посредническими усилиями, которые, так или иначе, любое государство может всегда использовать без предусмотренного в международном договоре разрешения на это. Более того, вообще не было бы необходимости заключать договор о гарантиях, если бы речь шла только о том, чтобы дать державе-гаранту только возможность вмешиваться путем дипломатических представлений.

Один из принципов международного права гласит, что договоры могут изменяться только с согласия заинтересованных сторон. Следует также отметить, что право на вмешательство, которое державы-гаранты зарезервировали за собой на основании Договора о гарантиях, не было правом, предусмотренным в ущерб уже независимой Республики Кипр в пользу третьих государств. Слово «резервировать» было использовано преднамеренно, поскольку подписавшие Договор государства, которые уже давно признавались как заинтересованные стороны в кипрском споре, уже имели права, связанные с будущим Республики Кипр. Лозаннский договор 1923 года установил политическое и военное равновесие в этом районе. Союз Кипра с Грецией нарушил бы это равновесие сил.

Кипр согласился стать независимым государством с учетом сохранения положения дел, явившегося результатом соглашений 1960 года. Формулировка Договора о гарантиях запрещала союз Республики с любым другим государством и возлагала на нее обязательство сохранять свою основанную на партнерстве независимость, а также свое устройство, установленное соглашениями. Поэтому Договор был не ущемлением уже существовавшей полной независимости, а гарантией независимости, которая стала результатом международных соглашений и была предусмотрена в международных соглашениях как компромисс между противоречивыми устремлениями двух национальных общин.

Международное право презюмирует действительность международных соглашений, если они не изменяются или не отменяются сторонами или если они не объявляются иным образом недействительными компетентным трибуналом. По сути дела, уважение обязательств, воплощаемых в международных договорах, является той основой, на которой обеспечивается стабильность международных отношений. В случае Кипра соглашения 1960 года давали каждой стороне определенные права и привилегии в обмен на некоторые уступки по сравнению с первоначальной позицией каждой стороны. Так, Великобритания оставила за собой суверенные базы и отказалась от своего суверенитета на остальную часть острова в качестве британской колонии; Турция и киприоты-турки отказались от своего требования о разделе острова с тем пониманием, что Греция и кипрско-греческая сторона откажутся от «энозиса» и подтвердят права киприотов-турок, как они были предусмотрены в рамках установленного таким образом конституционного устройства. Попытка киприотов-греков изменить положение дел в свою пользу, прибегнув к силе оружия, влекла за собой «энозис» или, даже если он бы не удался, пересмотренное устройство с учетом происходящих событий. Независимо от результата, кипрско-греческая сторона не могла ни в силу закона, ни с учетом фактов заменить двунациональную, основанную на партнерстве Республику Кипр, состоящую из двух народов, различающихся друг от друга по культуре, языку, религии и этническому происхождению, на кипрско-греческую республику, претендующую на то, что она является законным преемником основанной на партнерстве Республики.

Турецкое вмешательство в 1974 году нельзя рассматривать в изоляции от недавней истории Кипра, всей цепочки событий, начало которой было ознаменовано решимостью киприотов-греков уничтожить партнерский характер Республики и преобразовать ее в кипрско-греческую республику еще в августе 1960 года, когда были подписаны соглашения, а также событий, приведших к греческому перевороту, цель и последствия которого были изложены архиепископом Макариосом в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Он сказал, что греческий военный режим открыто нарушил независимость Кипра, распространил свою диктатуру на остров и что это равнозначно вторжению, от последствий которого пострадают и греки, и турки (Организация Объединенных Наций, *Официальные отчеты Совета Безопасности*, S/PV.1780). Не следует забывать о том, что смысл турецкого вмешательства заключался в том, чтобы положить конец греческому вторжению, защитить киприотов-турок от непосредственных нападений и помочь восстановить соответствующее конституционное устройство на острове.

Следует также упомянуть, что Европейский суд по правам человека не высказывался ни по вопросу о действительности или недействительности договоров, ни по вопросу о законности турецкого вмешательства в 1974 году. Судебные органы Совета Европы воздержались от принятия решений по этим вопросам, хотя некоторые поверхностные выводы, не подтвержденные фактами, были сделаны в отношении турецкого «военного присутствия» в Северном Кипре для целей «ответственности» на основании Конвенции.

Утверждение представителя киприотов-греков о том, что Турецкая республика Северного Кипра «не имеет территории», указывает на приверженность киприотов-греков мифам, а не реальностям. Если бы это было так, то не было бы необходимости говорить о «территории» и о «территориальных изменениях» в ходе уже давно ведущихся между двумя сторонами переговоров. Более того, эти термины не упоминались бы на протяжении лет в различных соответствующих документах Организации Объединенных Наций. Никто не может отрицать существования двух отдельных и исключительных государственных систем власти на Кипре — одной на севере и другой на юге острова, — что также получило признание в Женевской декларации министров иностранных дел трех держав-гарантов от 30 июля 1974 года (Her Majesty's Stationary Office, Misc. No. 30, Command Paper 5712). Более того, еще в 1977 году сами стороны подтвердили существование на острове двух отдельных территорий, упомянув «территорию под управлением каждой общины» в руководящих принципах Денкташа-Макариоса от 1977 года. Вместо того чтобы придерживаться мифов, кипрско-греческой стороне следует признать реальности на острове, а не упорствовать в отрицании существования киприотов-турок, делая вид, что они живут в «вакууме». Кипрско-турецкий народ имеет полноправную демократическую систему со своим собственным независимым государством, охватывающим политические и законодательные институты.

Не удивительно то, что представитель киприотов-греков, администрация которого предпочитает затягивать гуманитарный вопрос о пропавших без вести лицах и грубо эксплуатировать агонию своего собственного народа, упоминает искаженное кипрско-греческой телевизионной компанией «Сигма» интервью, которое президент Рауф Р. Денкташ дал 1 марта 1996 года и в котором он вновь повторил уже известный и признанный выдающимися третьими сторонами факт, а именно то, что всех «пропавших без вести лиц» с обеих сторон на Кипре следует считать погибшими. В этой связи важно напомнить, что тогдашний заместитель Специального представителя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по Кипру г-н Густав Фейссел выступил 5 марта 1996 года с заявлением, в котором подтвердил этот факт, сказав, что «никто не давал Комитету Организации Объединенных Наций по вопросу о пропавших без вести лицах какую-либо информацию, свидетельства или хоть что-нибудь, что позволило бы считать, что кто-то где-то остался в живых».

Я был бы весьма признателен за распространение текста настоящего письма в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 64 повестки дня и документа Совета Безопасности.

(Подпись) Айтуг **Плюмер**
Представитель
Турецкой республики Северного Кипра
